

Лесовиченко А. М.
A. M. Lesovichenko

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В СССР И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

«CULTURAL REVOLUTION» IN THE USSR AND ITS CONSEQUENCES

Лесовиченко Андрей Михайлович – доктор культурологии, доцент, профессор Сибирского государственного университета путей сообщения (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: lesovichenko@mail.ru.

Mr. Andrei M. Lesovichenko – Doctor of Culture studies, associate professor, professor, Siberian State Transport University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: lesovichenko@mail.ru.

Аннотация. События 1917 года сказались на всех сферах общественной жизни России, в частности, на культуре. В советские времена они оценивались однозначно положительно. Такая оценка часто преобладает и сейчас. Однако такой подход вряд ли соответствует ситуации. Необходимо показывать драматизм происходящего, особенно для Церкви и её традиций в культуре. Сосредоточимся на этих проблемах.

Summary. The events of 1917 influenced all the spheres of social life in Russia, including culture. In the soviet times, they were evaluated only positively. However, this approach does not meet the requirements of the present situation. It is necessary to show the dramatic effect for Church and its traditions in culture. We will focus on these problems.

Ключевые слова: пролеткульт, наркомпрос, атеистическая пропаганда, К.А. Федин, П.Д. Корин.

Key words: the Proletkult, People's Commissariat of Education, atheist's propaganda, K.A. Phedin, P. D. Korin.

УДК (008(47+57))

Рассматривая процессы развития культуры советской эпохи, надо учитывать их крайнюю противоречивость, вызванную взаимоисключающими посылами, идущими, с одной стороны, от тысячелетней традиции русского православия, с другой стороны, от богоборческой идеологии коммунистов. За первой – стабильный, отшлифованный веками уклад жизни, система нравственных ценностей и эстетических принципов, «вселенское сочувствие русской души». За второй – агрессивность, готовность к разрушению, физическому притеснению и моральному унижению любого инакомыслия, узость и догматизм мышления. Естественно, живая ткань культуры не могла при таких условиях не породить много странных явлений, сочетающих, казалось бы, несочетаемое. Некоторые из них оказались яркими и жизнеспособными, другие, напротив, искусственно сконструированными и бессильными.

Знаком первых лет советской власти стала уже довольно далёкая для нас, но весьма жутковатая организация – Пролеткульт («пролетарская культура»). Её лозунг (из стихотворения В. Кириллова «Мы»): «Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля, Разрушим музеи, растопчем искусства цветы» [1, 322-323].

В поздней советской исследовательской литературе было принято отмежеваться от Пролеткульта. Литературовед С. Шешуков, например, писал: «Пролеткультовцы стояли за создание пролетарской культуры. Но их теория оказалась реакционной, ибо не только пролетарской, но и вообще никакой культуры по их рецептам нельзя было построить». При этом учёный признаёт, что «некоторые пролеткультовские тенденции оказались живучими и давали о себе знать на протяжении десятилетий» [2, 31].

На пролеткультовской идее разрушения всего, что, по мнению идеологов организации, не соответствует запросам пролетариата, родилась многоглавая гидра «Российских ассоциаций», проводящих «пролетарскую культуру» через отдельные виды творчества: литературу (РАПП), музыку (РАПМ), изобразительное искусство (РАПХ). Кроме того, идеологическое управление куль-

турой перешло непосредственно к большевистским партийным органам, которые относились к дореволюционному наследию не лучше пролеткультовского, а в отношении к Церкви даже хуже. Это следовало из взглядов вождей на религию.

Для Ленина «религия – род духовной сивухи» [3, 143]. Он ставил задачу: «Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма» [4, 418]. Одним из методов этой борьбы был указ Наркомпроса 1924 года о запрещении к использованию и об изъятии из библиотек всей религиозной литературы.

Значительный ресурс искусства, к которому относился в целом плохо [5], вождь, видит в том, чтобы направить его на борьбу с Церковью: «Нам мало уничтожить Церковь, нам надо её заменить на единственный общественный институт, который может это сделать – театр» [6]. Фактически Ленин задал импульс приданию деятелям искусства, в определённой мере, того статуса, который до сих пор занимали священнослужители.

В 1932 году Постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» был дан старт образованию творческих союзов (писателей, композиторов, художников), посредством которых создавались условия для творчества, но само творчество ставилось под невыносимый прессинг.

Разумеется, творческий процесс не может остановить никакое давление. Искусство советской эпохи разнообразно.

Конечно, прежде всего, критика религии – плакат. Атеистическая установка неплодотворна. Художники, даже талантливые, выдают тусклые произведения, в прямом смысле «безобразные» (без одухотворяющего образа), но в большом количестве. Издеваются и над иконами, и над крестами, и над праздниками. Как достижение показывают разбитые колокола и взорванные здания. Поощряют доноительство.

В некоторых случаях пролеткультовская установка преодолевалась честностью автора. В этом смысле показательна повесть К. Федина «Наровчатская хроника» (1925) [7], написанная от лица молодого монастырского послушника. Несмотря на сатирический посыл, книга вышла искренней и печальной. Ожидание расправы, ограбления и окончательного изгнания делает церковных людей – монахов и священников – неуверенными и растерянными. Кульминационный эпизод, когда сложивший с себя духовный сан бывший священник от безысходности пьёт какую-то сомнительную жидкость (отравление которой, в конце концов, сведёт его в могилу) и в пьяном угаре стреляет из пистолета по иконам, наверное, должен был рассматриваться как юмор, но вызывает только чувство горечи.

Пролеткультовский удар по культуре России имел кроме разрушительной силы и стимулирующий эффект тоже. Церкви массово взрывались, но кое-где это заставило специалистов сосредоточиться на фиксации их образов. К примеру, архитектор П. Д. Барановский так тщательно описал параметры разрушенной церкви, посвящённой иконе Божьей Матери «Казанская» на Красной площади, что в 90-х годах она была восстановлена точно в своём первоизданном облике (в дореволюционной России подобными вопросами занимались мало). Многочисленными стали опыты по раскрытию древней живописи на почитаемых иконах, благодаря чему стали известны подлинные шедевры русского искусства XIV-XVI веков, «спрятанные» под более поздними слоями изображений, в том числе созданные Феофаном Греком, Андреем Рублёвым, Дионисием.

Нельзя не упомянуть появления выдающихся богословских и религиозно-философских трудов: за рубежом – Н. А. Бердяев «Истоки и смысл русского коммунизма», о. Сергей Булгаков «Купина Неопалимая», о. Георгий Флоровский «Пути русского богословия», И. А. Ильин «Основы христианской культуры»; в СССР – о. Павел Флоренский «Иконостас», А. Ф. Лосев «Диалектика мифа». Это достойный ответ революционным богоборцам.

Родились замечательные поэтические образы, вдохновлённые христианскими идеями. Их много у Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Николая Клюева. Особенно часто к ним обращается Максимилиан Волошин.

Выдающиеся произведения на религиозные темы создали скульптор С.Т. Конёнков, живописцы К.Ф. Юон, М. В. Нестеров. Особо хочется выделить грандиозный цикл портретов Павла

Дмитриевича Корина «Реквием» (по предложению Максима Горького называется также «Русь уходящая»), замысел которого возник под впечатлением похорон патриарха Тихона.

Возможно, как замещение церковной темы нужно понимать образы природы, очень популярные в литературе 30-х годов. Во всяком случае, М. М. Пришвин говорит в своём дневнике об этом прямо: «Сколько в народе нашем таится неизжитой любви, и вот эту любовь свою узнают в моих книгах, и этим вольным священником или попиком народ держит меня при себе. В этом разгадка моей «природы»».

С прекращением советской власти атеистическое безумие окончилось, но заложенные в 20-е годы пролеткультовские традиции дают о себе знать до сих пор. Только так можно объяснить яростное сопротивление некоторой части общества включению в школьную программу предмета «Основы православной культуры». Только так можно понимать моду среди некоторых деятелей искусства устраивать кошунственные акции, очень напоминающие представления безбожников в агиттеатрах 20-х годов.

Достижение согласия в обществе невозможно без преодоления культурного конфликта, затеянного революционерами сто лет назад. Пути движения здесь известны и всем понятны. Нужно строить церкви и монастыри, развивать церковно-просветительскую работу. Только нужно осознать, что это дело не только тех, кто находится в церковной оgrade, но всех здравомыслящих людей, желающих мира и процветания нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лирика 20-х годов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1976. – 656 с.
2. Шешуков, С. И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов / С. И. Шешуков. – М.: Московский рабочий, 1970. – 352 с.
3. Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 12. С. 143.
4. Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 17. С. 418.
5. Анненков, Ю. П. Дневник моих встреч / Ю. П. Анненков. – М.: Искусство, 1991. – Т. 2. – 303 с.
6. Астахов, Н. Для чего нужен театр государству Российскому? / Н. Астахов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theatreglas.ru/dlya-chego-nuzhen-teatr-gosudarstvu-rossijskomu/>
7. Федин, К. Наровчатская хроника / К. Федин. – М.: Терра, 2008. – 32 с.